

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(6), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Художественное своеобразие сборника Михаила Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор» / О. Ю. Осьмухина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 266—286. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-266-286.

Osmukhina, O. Yu. (2024). Artistic Peculiarities of Mikhail Volkov's Collection "Tales of Antrop from Fox Hills". *Nauchnyi dialog*, 13 (6): 266-286. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-266-286. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Художественное своеобразие сборника Михаила Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор»

Осьмухина Ольга Юрьевна

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Scopus Author ID: 57197735209

WoS ResearcherID: P-3379-2017

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,
osmukhina@inbox.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Artistic Peculiarities of Mikhail Volkov's Collection "Tales of Antrop from Fox Hills"

Olga Yu. Osmukhina

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Scopus Author ID: 57197735209

WoS ResearcherID: P-3379-2017

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется неоднократно переизданный в конце 1920-х годов сборник М. И. Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор». Отмечается характерная для первого послеоктябрьского десятилетия тенденция к циклизации — объединению новелл в книги и сборники. Материалом для исследования послужили издания 1926 года и переиздания 1927 года, отражающие изменение авторского замысла: смысловую и тематическую переакцентуацию. Цель исследования — выявление художественной специфики книги М. Волкова. Задачи: осмысление функциональной роли заглавия и предисловия сборника как частей заголовочно-финального комплекса; характеристика образа фиктивного автора-нарратора; исследование жанровых особенностей книги. Установлено, во-первых, что если в первом издании значимой была фигура нарратора, его повествовательная манера, способ рассказывания историй, то в переизданиях более важен повествуемый мир. Во-вторых, фиктивный автор-нарратор Дед Антроп посредством сказовой манеры в серии «боек» описывает смешной мир деревни, медленно меняющийся и перестраивающийся в первое постреволюционное десятилетие. В-третьих, в жанровом отношении новеллы сборника тяготеют к анекдоту. Показано, что в центре парадоксально развивающегося, комического сюжета оказывается сам рассказчик, преподносящий все истории как жизненный «факт», изложенный в игровой форме.

Ключевые слова:

русская проза; творчество Михаила Волкова; новеллистика; байка; анекдот; комический сюжет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the Mikhail Volkov's collection "Tales of Antrop from Fox Hills", which was repeatedly republished in the late 1920s. It notes the characteristic trend of cyclicity in the first decade after the October Revolution: uniting novellas into books and collections. The study is based on the 1926 editions and the reprints of 1927, reflecting a change in the author's concept: a semantic and thematic reorientation. The research aims to identify the artistic specificity of M. Volkov's book, with tasks including understanding the functional role of the title and preface of the collection as parts of the header-final complex, characterizing the image of the fictional author-narrator, and exploring the genre features of the book. It is established, firstly, that while in the first edition, the narrator's figure, his narrative style, and storytelling method were significant, in reprints, the narrated world becomes more important. Secondly, the fictional author-narrator, Grandpa Antrop, describes the humorous world of the village slowly changing and restructuring in the first post-revolutionary decade through a storytelling manner in a series of "tales." Thirdly, in terms of genre, the novellas in the collection tend towards anecdote. It is shown that at the core of the paradoxically developing, comedic plot is the storyteller himself, presenting all stories as a life "fact" presented in a playful form.

Key words:

Russian prose; Mikhail Volkov's works; novella; tale; anecdote; comedic plot.

УДК 821.161.1Волков.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-266-286

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Художественное своеобразие сборника Михаила Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор»

© Осьмухина О. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что 1920-е годы в отечественной словесности характеризуются активизацией писательского интереса к малым жанровым формам [Агеева, 2014; Ершов, 1977; Звягина, 2002; Кудрина, 2003; Лейдерман и др., 1991; Пономарёва, 2006]. По справедливому мнению Н. Л. Лейдермана, «рассказ набирает силу в ситуации духовного кризиса, на разломах эпох. В такую пору, когда отвергаются и разрушаются социальные, идеологические и художественные стереотипы, мифологемы, табу и клише, рассказ оказывается едва ли не единственным из прозаических жанров, который обладает способностью на основании самых первых, только-только “прорезавшихся”, доселе неведомых коллизий заявить новую концепцию личности. И не просто заявить, а “оконтурить”, сделать наглядно-зримой и тем самым подвергнуть её проверке «целым миром», воплощённым в нём эстетическим законом жизни» [Лейдерман, 2005, с. 192—193]. Соответственно, **актуальность** настоящего исследования объясняется необходимостью пристального изучения русского рассказа 1920-х годов на материале конкретных писательских практик, что позволит в итоге составить полную и безоценочную картину отечественной малой прозы этого периода.

Подчеркнем, что при всей изученности и разработанности советского периода истории отечественной литературы XX столетия, многие ее аспекты, творчество отдельных «персонажей» этого обильного на значительные фигуры и заметные творческие достижения периода остаются если не “за кадром”, то явно на периферии исследовательского интереса. Особенно это касается писателей, условно говоря, не первого плана, к каковым со всей очевидностью можно отнести и М. И. Волкова (сразу оговоримся, что подобная «типология» ни в коей мере не умаляет ни его литературных достоинств, ни места в истории ранней советской словесности). Автор весьма популярных «Задиристых рассказов» (1925), «Баек Антропа из Лисьих гор» (1926, 1927), в отличие от других творцов малой прозы

1920-х годов (к примеру, М. М. Зощенко, М. А. Булгакова или В. Я. Шшкова), М. И. Волков, входивший в пореволюционную пору в «Кузницу», относящуюся к литературному мейнстриму [Владимирский, 1966; Полякова, 1973; Долженко, 1984], теперь мыслится писателем «второго ряда», и в настоящее время творчество его фактически забыто. *Научная новизна* настоящей статьи состоит в том, что, во-первых, целостный анализ переизданного дважды сборника рассказов М. И. Волкова не предпринимался. Во-вторых, научная новизна определяется самим материалом: переиздания книги М. Волкова, за исключением упоминаний в ряду других новеллистических сборников 1920-х годов и отдельных замечаний об авторской маске, специфике фигуры рассказчика и его сказовой манеры в «Байках...» 1926 года [Ершов, 1977; Осьмухина, 2009, 2013, 2015], фактически вводят-ся в научный оборот.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Отметим, что уже прижизненная репутация М. Волкова-новеллиста была достаточно высока, о чем свидетельствуют вышедшее уже в 1928 году его двухтомное собрание сочинений [Волков, 1928], включение сведений о нём в прижизненные справочные и энциклопедические издания [Волков Михаил Иванович ..., 1930; Писатели современной эпохи ..., 1928], положительные отзывы о его творчестве коллег по литературному цеху, к примеру, М. Горького или А. Неверова [Осьмухина, 2013] и литературных критиков, прочивших долголетие его произведениям [Клейнборт, 1924; Владиславлев, 1928; Пакентрейгер, 1930; Полонский, 1988; Пчелинцев, 1924]. Так, еще 14 февраля 1922 года М. Волков получает письмо от А. С. Неверова, в котором, помимо замечаний и пожеланий начинающему автору, А. Неверов в завершение подчеркивает: «<...> я вас считаю за писателя в лучшем смысле. В вас есть душевная боль, которую вы прячете и которая выражается у вас не гоголевской горечью сквозь смех, а преувеличенной сгущенной шуткой с благоприятным исходом» [Письма Неверова (Скобелева) А. С. Волкову].

Литературный критик и редактор журнала «Темы жизни» Л. М. Клейнборт, характеризуя деятельность поколения писателей, пришедших в литературу после Октября, полагает, что из «неотличимых» друг от друга пролеткультовцев М. Волков явно выделяется оригинальностью «в области образного письма»: «Его краски пестры, очертания четок; язык сжат, но остер <...> И все это живет, движется» [Клейнборт, 1924, с. 227]. Работая над «Очерками народной литературы (1880—1923 годы)», Л. М. Клейнборт дважды обращался с настоятельной просьбой именно к М. И. Волкову прислать «подробную записку о себе и своей жизни», литературных «контак-

тах», «бытовой обстановке», а также фотографию, поскольку «все видные беллетристы прислали мне целые записки о себе. Прошу и Вас не замедлить (подчеркнуто автором цитаты. — О. О.) с присылкой материала. Это необходимо в кратчайший срок» [Письма Клейнборта Л. М. Волкову М. И.].

Вяч. Полонский — один из самых авторитетных критиков первого советского десятилетия, руководитель Литиздата, редактор «Нового мира» и «Красной нивы» — отмечал, говоря о литературных движениях XX века: «И если “Кузница” останется в литературе, то лишь благодаря тому обстоятельству, что в ее среде оказались писатели, сумевшие преодолеть схематическое теоретизирование и давшие ряд настоящих литературных произведений. Декларация “Кузницы” забудется. С именами же Ф. Гладкова, М. Волкова, В. Бахметьева, Н. Ляшко, М. Герасимова <...> должен будет посчитаться историк литературы» [Полонский, 1988, с. 409].

Начиная с публикации в 1919 году рассказа «Сказ о мужике Акиме» в журнале «Гудки» М. И. Волков относился к писателям социально ангажированным: будучи выходцем из крестьян, в 1920—1922 годах он заведовал литературным отделом Московского Пролеткульта и не только разделял новую постреволюционную государственную идеологию, но и писал рассказы на темы ранней советской литературы (строительство «нового мира», сатирическое изображение «Руси уходящей», воспитание нового советского человека и др.), на что указывал и авторитетный советский историк литературы П. С. Коган, отмечая, что Волков «умно издевается над суевериями и невежеством», изображает старую Россию, «обреченную, доживающую свои дни» [Коган, 1927, с. 70—71]. Спад интереса к творчеству М. Волкова, произведения которого так или иначе пропагандируют идеологию нарождающегося советского строя, на наш взгляд, обусловлен сменой идеологической и эстетической парадигмы.

Материал исследования составил выходивший в двух книгах и неоднократно переиздававшийся сборник М. Волкова «Байки Антропа из Лисьих Гор», отдельные рассказы которого печатались и в составе других сборников прозаика [Волков, 1926, 1927а, 1927б, 1928], а также словарные и энциклопедические статьи о писателе [Волков Михаил Иванович, 1930; Писатели современной эпохи, 1928], архивные материалы Российского государственного архива литературы и искусства [Письма Клейнборта Л. М. Волкову М. И.] и Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) [Письма Неверова (Скобелева) А. С. Волкову].

В статье был использован **комплексный подход**, объединяющий принципы **социокультурного, сравнительно-исторического методов**. Значимым в нашем инструментарии был **метод целостного анализа** литера-

турного произведения, давший возможность осмыслить проблемно-тематические особенности новеллистики М. Волкова в неразрывной связи и единстве с её жанровым уровнем.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения отечественной малой прозы 1920-х годов в целом [Агеева, 2014; Звягина, 2002; Кудрина, 2003; Лейдерман, 2005; Лейдерман, Липовецкий, 1991; Пономарёва, 2006] и творчества М. Волкова в частности [Клейнборт, 1924; Владиславлев, 1928; Якубовский, 1929; Пакентрейгер, 1930; Полонский, 1988; Пчелинцев, 1924; Владимирский, 1966; Полякова, 1973; Долженко, 1984; Ершов, 1977; Осьмухина, 2009, 2013, 2015].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории жанра, жанровой специфике малой прозы, непосредственно творчеству отечественных прозаиков 1920-х годов, а также при составлении антологий советского рассказа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Заглавие и предисловие «Баяк...» как часть заголовочно-финального комплекса

Неоднократно переиздававшийся в конце 1920-х годов сборник М. Волкова, в котором прозаик явно выходит за обозначенную в заглавии жанровую номинацию, явился средством соединения новеллистической мобильности, повествовательной выразительности и эпической масштабности: глазами и сказовым словом героя-нарратора изображаются эпически масштабные постреволуционные преобразования, «ломка» старого мира, но события эти сконцентрированы на пространстве локальном. Примечательно, что «Байки Антропа из Лисьих гор» во втором издании имеют другое название — «Лисьи горы. Байки», в котором со всей очевидностью смещается смысловой акцент. Если в первом издании в заголовке акцентировалось внимание на авторе-рассказчике и соответственно горизонт читательских ожиданий предполагал процесс рассказывания автогероем, то в переиздании происходит переакцентуация, смещение фокуса внимания с процесса наррации, фигуры повествователя («*Байки Антропа...*») на жанр, маркируемый хронотопом, на сам повествуемый мир («*Лисьи горы. Байки*»). Жанровая номинация «*байка*», сохраняющаяся при переиздании, отнюдь не случайна и подчеркивает непосредственную связь книги с фольклором. Как справедливо указывал Л. Ф. Ершов, в творчестве М. Волкова обнаруживается явная опора на фольклорно-сказовую традицию, «идушую от расшника, анекдота, народной легенды, сатирической сказки» [Ершов, 1977, с. 164].

Первое издание «баек» открывается «Оговоркой», эквивалентной традиционному предисловию, где рассказчик замечает: «Уж вы, граждане, братцы-товарищи, извините старика: — может, и не по годам пустяшным делом занялся. Года на шестой десяток перевалили, а я над байками корпею <...> Стал Антроп селькором.. Прописана на бумажке обязанность селькорская: писать, что в Лисьих Горах делается — и пишу. Писать да писать, и накопилась баек у меня порядочная тетрадка: миру сходки на две для закурки хватило бы» [Волков, 1926, с. 3—4]. Примечательно, что в «Оговорке» Антроп упоминает о Михайле Волкове, якобы земляке, взявшемся опубликовать эти байки: «...приехал на побывку земляк Михайла Волков <...>. Показал ему байки. Почитал Михайла и говорит: давай, дядя Антроп, напечатаю. Я — отнекиваться. Нет! — пристал, как банный лист... давай, да давай» [Волков, 1926, с. 4]. Очевидно, что перед читателями выстраивается образ фиктивного нарратора, деда Антропа, который берёт на себя авторство произведений, публикуемых Михайлой Волковым как автором «реальным».

Кстати, вторая книга баек также снабжена предисловием, имеющим заголовки «Сам про себя», причем в этом «вступлении» о публикаторе, Михайле Волкове, Антроп не упоминает ни слова. Между тем большое внимание уделено истории о том, как сам фиктивный автор решился напечатать свои «байки» в газете «Беднота» и стал знаменитым: «В газетку, что под руку подвернулась, заглянул. Про жизнь крестьянскую написано <...> Вот до чего дошло, уже не господа о крестьянах пишут, а крестьяне о себе. Что бы как... Да где уж мне?.. А чуть глаза прикрою, так и мерещится... <...> Думать да думать и надумал: дай попытаю. Попытка — не пытка» [Волков, 1927б, с. 6]. В этом же предисловии описывается и процесс создания антроповских «баек», но со слов жены сочинителя: «Усядется за стол, уставит буркалы в бумагу, да всё про себя бормочет, бормочет... Потом схватит перо, по бумаге заскрипит <...> А как глянешь на него, инда жуть берёт: глазища на выкате, и за бороду дёрнет, и по лысине хлопнет, и зубами заскрежещет» [Волков, 1927б, с. 8]. Подобный прием использован для усиления эффекта достоверности: сторонний наблюдатель подтверждает подлинность авторства именно деда Антропа. Более того, сам фиктивный автор подчеркивает, что все рассказываемые им истории представляют собой факт из жизни, ибо все «байки» основаны на реальных событиях из жизни Лисьих Гор.

Второе издание «Баек...» в отличие от первого содержит пространный рассказ о происхождении названия топонима *Лисьи Горы* — места, где развиваются описываемые события. Антроп повествует о делах давно минувших дней, когда в этих окрестностях властвовал барин, который захотел поохотиться на лис, создав всех господ с близлежащих мест. Причём

охоту барин хотел организовать именно на горе. Крестьяне столкнулись сразу с двумя проблемами: во-первых, гору нельзя было найти, поскольку местность была болотистая; во-вторых, лисы тоже не водились, а каждый дом должен был предоставить по одной лисе. Но находчивые крестьяне, воспользовавшись невежеством барина, не имевшего понятия о том, как выглядят лисы, решили вместо них использовать кошек. Но неожиданно обман раскрылся: «Господа прискакали, друг с дружкой переговариваются да пересмеиваются. Барин с коня долой, добычу глянуть: — “Удачно, — говорит, — полевали, столько лис затравили”. Господа как загрохочут, загрохочут, словно телегой на рысях прогребели.

— Стоило кошек собаками травить.

— Каких кошек?

— А это что!» [Волков, 19276, с. 22].

Причина обращения Антропа к старинному народному преданию раскрывается самим фиктивным автором: «Рассказал я про старинку, — расскажу-ка я и про новинку. Теперь в дню век умещается; пройдёт день — и старина» [Волков, 19276, с. 24]. Тем самым он подчёркивает, что будет повествовать о событиях, участником или свидетелем которых он является, и это уже не выдуманные истории, но произошедшие в реальности.

Очевидно, что название и предисловие как важнейшие части заголовочно-финального комплекса играют в конструировании всего сборника как единого целого значимую функциональную роль. Так, в первом издании они акцентируют саму фигуру нарратора, выдающего себя за автора «реального», принципиально значимыми оказываются повествовательная манера, способ рассказывания историй балагуром Антропом, схожим с балаганными дедами-зазывалами, смешащими собой, своим обликом, или же со скоморохами, роль которого, балагурия, примеряет Даниил Заточник в известном древнерусском тексте (параллель, проведенная нами, кстати, отнюдь не случайна: один из ранних рассказов М. Волкова «Жена» открывается эпиграфом именно из «Слова Даниила Заточника» [Волков, 1928, с. 161]). В переизданиях же более важен повествуемый мир — забавный и смешной мир деревни, медленно меняющийся и перестраивающийся в первое постреволюционное десятилетие.

3.2. Специфика образа фиктивного автора в «Байках...»

Как мы уже отметили, фиктивным автором-нарратором и первой книги «Баек...», и её последующих переизданий является Дед Антроп. Несмотря на то, что он знает сельскую жизнь изнутри, имеет представление о мировоззрении деревенского жителя, его суевериях, Антроп не противится тому укладу, который настанет после революции, напротив — он, игнорируя все сложные социальные конфликты, сопровождающие ломку старого мира, принимает

все изменения и не устаёт юмористически описывать отношение односельчан ко всем общественным трансформациям. Причём трансформациям не только внешним, касающимся образа жизни, но и внутренним, затрагивающим господствовавшее веками мировоззрение (религия, суеверия и т. д.).

На протяжении всего повествования очевидна важная особенность: нарратор, перебивая собственный монолог обращениями к читателям (слушателям), нередко говорит о себе в третьем лице. См.: «Антропу не впервые мирскую потугу нести приговор написать — пиши, Антроп, ходоком куда — иди, Антроп» [Волков, 1926, с. 3]; «Антроп в обращении себя в грязь не уронит» [Волков, 1926, с. 44]; «У Антропа, брат, душа прямая — косины не выносит» [Волков, 1926, с. 51]; «У Антропа, брат, совесть никогда из колеи не выскакивала» [Волков, 1927б, с. 52]; «А, скажу тебе, Антроп и перед десятком кулаков не робел... Да ведь кулаки у людей, а у оборотня что? Копыта до когти» [Волков, 1927б, с. 63]; «Да ведь Антроп если за что возьмётся, так возьмётся» [Волков, 1927б, с. 50]. Так М. Волков акцентирует внимание читателей на неординарной личности рассказчика, особенностях его характера и манере рассказывания.

Антроп — не обычный рассказчик, функция которого состоит лишь в пересказе событий. Как мы уже отмечали, «для Волкова значимым был сам фиктивный автор-нарратор как образ подчеркнуто колоритный, не просто передающий в специфической речевой манере свои „байки“, но охватывающий собственным кругозором все истории, включенные в сборник» [Осьмухина, 2015, с. 244]. На близость образа Антропа к фольклорной традиции указывают постоянно присутствующие в его речи пословицы, поговорки. Использование паремий в речи свидетельствует об остроте ума рассказчика, его национальном самосознании: «Антроп, брат, вола за хвост вертеть не станет» [Волков, 1926, с. 4]; «Как говорится: двум смертям не бывать» [Волков, 1926, с. 11]; « — Ты что, Антроп, на месте топчешься? — А у меня язык лыком привязан, и на „здорово“ не развяжу» [Волков, 1927б, с. 10]; «Известно, у мужика голова — у баб слёзы» [Волков, 1927б, с. 61]; « — Глянь-ка, бабонки, Антроп-то еле-еле на ногах держится. — Скажешь ещё... Язык-то без костей, что хошь сболтнёт...» [Волков, 1927б, с. 78]. Причём именно поговорками Антроп часто заканчивает свои «сказы», тем самым подытоживая их и резюмируя ключевую идею: «Вот так Антроп впросак попал» («Микроба») [Волков, 1927б, с. 128]; «Вот уж истинно пословица говорится: чорт где не может, там бабу пошлёт» («Моё») [Волков, 1927б, с. 162]. Речь Антропа насыщена экспрессией, грубоватым юмором; сам нарратор, рассказывая себе или о том или ином случае, раскрывает абсурдность мировоззрения уходящей эпохи, особенности характера других героев, ведет сюжет, фиксируя комические случаи, структурно близкие анекдоту.

3.3. Художественное своеобразие «Бакс...»

Говоря о жанровой специфике книги новелл, в первую очередь необходимо отметить, что «Байки Антропа...» — это циклически структурированное произведение. Части цикла, «байки», равно как и в «Весёлых рассказах М. М. Зощенко, объединены фигурой одного рассказчика. Кроме того, все истории, рассказанные Дедом Антропом, относятся к одному жанру. Но в отличие от «Шутейных рассказов» Вяч. Шишкова и «Весёлых рассказов» М. Зощенко из историй Антропа, хоть и представляющих собой самостоятельные рассказы, складывается единый сюжет — противостояние старого крестьянского мира, основанного на прочных патриархальных традициях и устоях, медленно принимающего революционные перемены, миру «новому». Рассказчик последовательно знакомит читателей с персонажами, многие из которых сквозные для большинства «бакс», например: Нефёд Иванович, бабушка Хавронья, Силантьевна, сват Лука, отец Асаф и др. Действие развивается в пределах локального топоса — Лисьих Гор. Исходя из этого, цикл правомерно отнести к структурированному типу [Пономарева, 2006], в котором автор по своему усмотрению расставляет части и последовательно вводит героев. При такой группировке новелл сохраняется художественная целостность всей книги.

Истории, рассказываемые Антропом, по номинации самого фиктивного автора-нарратора, являются «байками». В действительности «байки» Антропа в жанровом отношении есть не что иное, как анекдот [Курганов, 1997], и Дед Антроп — типично карнавальная фигура, функционирующая в анекдоте, им же самим рассказываемом. Все антроповские «байки» отличаются следующими особенностями: они имеют яркую комическую направленность; сюжетные повороты неожиданны и невероятны; все истории отличаются простой композицией, линейной структурой и представляют собой небольшую по объёму комический эпизод.

Помимо прочего, всем «байкам» присуща карнавальная стихия. Антроп своими поступками нарушает законы логики, внимание обращено на нарратора, который совершает абсурдные действия (или рассказывает о них) под влиянием обстоятельств, по недоразумению. Герой втянут в выстроенные им же самим комические обстоятельства. Также отметим, что все истории преподносятся нарратором как объективный «факт» из жизни обитателей Лисьих Гор, изложенный в игровой форме. «Смеховая», анекдотическая ситуация, воссоздаваемая Антропом в сказе, «демонстрирует не только абсурдность действий персонажей, но и “смеховой” характер самой реальности, абсурдность мировоззрения уходящей эпохи» [Осьмухина, 2015, с. 245].

Идейная специфика «Бакс Антропа...» заключается в том, что каждая новелла рисует картину «противоборства» сторонника новой, большевист-

ской России (Антроп как раз и является таким сознательным гражданином, идущим в ногу со временем) и её противников — обывателей Лисьих Гор. Причём, равно как и во многих новеллах, к примеру, Вяч. Шишкова, крестьяне — тёмная, непросвещённая масса, которая в силу своей необразованности, пристрастия к суевериям, отсталости взглядов не желает принимать новый жизненный уклад.

Наиболее показательно это противостояние представлено в рассказах «Садик», «Революция Васильевна». В «Садике» Антропа уполномочили открыть детский сад, но против такого решения выступает консервативная верующая бабка Соломонида, оплот старой России: «И не давайте, и не давайте, бабоньки, ребят... Антроп не иначе, как бурмицкому королю ребят продал... Всех пожрёт бурмицкий король... Помяните моё слово...

— Не отдадим!

На бабку зыкнул:

— Ты контру разводись!

Да бабку было и за ворот; бабка клюку на оборону» [Волков, 1926, с. 47].

В рассказе «Революция Васильевна» основное действие сосредоточено вокруг крещения недавно родившейся дочки Васятки, который стал приверженцем большевиков, поэтому и имя дал дочери знаковое — Революция. Но новые порядки никак не принимает Матрёна — мать Васятки: «— Кабы знала да ведала, — выкинула бы Васятку недоноском» [Волков, 19276, с. 59].

Особенно не укладывается в голове у верующей Матрёны тот факт, что Революцию до сих пор в церковь не носили, и она сама решает окрестить внучку: «Хоть и некрещёная душа, — коли ревёт, всё же дитё жалость берёт <...> Ну, просто сердце кровью обливается глядячи. Кума к батюшке...» [Волков, 19276, с. 62]. Причём Антроп был выбран Матрёной соучастником в этом тайном деле, к которому рассказчик отнёсся с присущим ему легкомыслием и народной простотой: «Подумал я: крестить ладно и не крестить нужды нет, да кто её знает, может, лучше окрестить, — кашу маслом не испортишь» [Волков, 19276, с. 62].

Далее в новелле ярко проявляется свойственный анекдоту эффект пунты (неожиданной развязки действия): в церкви вместо Революции в одеяльце оказывается чёрный кот, а сама Революция в этот момент находится у бабки Соломониды, куда её отнёс Васятка. Этому долго не верит Матрёна, считая Революцию «бесовским отродьем» и «оборотнем»: «Кума к Соломониде — соседке. Васятка мне, как дело оборудовал, рассказал. Вернулась кума, — мы за животики держимся, смехом надорвались <...> — Больше я перед богом за вас не ответчица!» [Волков, 19276, с. 64].

Тема религии является одной из наиболее частотных в новеллах «Бак...», что отнюдь не случайно: вера в Бога была неотъемлемой составляющей мировоззрения и мировосприятия русского человека, жившего до революции, и с приходом новой власти первое, что поддавалось развенчанию, — религиозные предрассудки. «Ломка» традиционных ценностных устоев, разумеется, сложнее всего проходила в деревне, более консервативно, нежели город, встречающей постреволюционные перемены.

Сатирическому изображению в «Байках...» подвергаются не только непросвещенные деревенские жители, но и служители церкви. В комических ситуациях, описываемых Антропом, показывается и осмеивается настоящая сущность попов. Наиболее показателен в этом отношении поп Асаф («Нечисть»): «Ветха церковь, зато нов дом отца Асафа. Раскинулся он по улице двумя десятиаршинными прирубам, из зелени палисадника, как гриб-мухомор, крышей алеет» [Волков, 19276, с. 50]. Но случается и «ненастье» в доме Асафа: «что ни день то овца падает». В «вывороченном тулупе» поп начинает изображать дворового, пугая скотину соседей, верящих в различные суеверия. Первой «жертвой» «дворового» становится хозяйство Митревны: «Слушает Митревна — на дворе только грохот идёт: дворовой скотину по двору гоняет <...> как повернётся к ней, такой шерстистый мохнатый, до как кулаком погрозит, а кулак с лошадиную голову <...>. Положила Митревна на ночь каравай на плетюху, а на хлеб горкой соль» [Волков, 19276, с. 51]. Нападению дворового подвергался каждый двор, пока Комитетчики не поймали его: «Ногу дворового — из капкана. Вывороченный тулуп долой. Все так и ахнули:

— Вот так дворовой!

— Посадите, православные... Голод дошёл...» [Волков, 19276, с. 54].

Очевидно, что в новелле осмеивается не только народ, верящий в различные суеверия и нечистую силу, но и служители культа, которые могут пойти на всё ради собственной выгоды. При этом в «Байках...» образы, несущие отрицательную коннотацию, шаблонны, сродни агитационному плакату: они внутренне статичны и становятся иллюстрацией пороков своего сословия.

Среди новелл, входящих во все переиздания «Бак...», встречаются и такие, в которых поднимается проблема собственности. Поскольку с приходом большевиков и последующей коллективизацией наступила эпоха «народного достояния», то Антроп не может не показать отношение жителей Лисьих Гор к подобным переменам («Моё», «Народное достояние», «Контрибуция», «Пронин лужок»). В рассказе «Моё» Антроп аллегорически изображает ситуацию, тонко и ненавязчиво намекая читателям на ненужность собственности, озвучивая одну из важнейших пролетарских

идей: «Гляжу, гляжу я на людей и думаю: как бы все были счастливы, если бы не знали слово: моё. Великое зло от этого слова» [Волков, 19276, с. 159]. Далее Антроп приводит в пример Лукашу, никогда не знавшего слово *моё*, оставшегося в конечном счёте ни с чем и ушедшего на житьё в лес. Но однажды в лес сходил солдатка Фёкла, «хвать Лукаша в деревню нагрязнул. Ещё от околицы орёт: — Где моя Фёкла? <...> Как узнал Лукаша слово: моё, келейку забросил» [Волков, 19276, с. 162]. Оканчивается новелла уже упомянутой поговоркой: «...чорт где не может, там бабу пошлёт» [Волков, 19276, с. 162].

В байке «Контрибуция» действие сосредоточено вокруг выбора состава Комитета Бедноты, в который постановили избрать Нефёда Ивановича, Петра Савельева, Кузьму Матвеева. Антроп иронично описывает заботу Комитета о бедных: Комитет незамедлительно постановил «взыскать с каждого домохозяина по 47 р. 50 к. <...> Члены Комитета и кандидаты от взноса освобождаются» [Волков, 19276, с. 32]. Приехавший из города Митрофан, истинный сторонник большевиков, собственноручно расправляется с кулачным составом Комитета: «Как пошёл Митрофан действовать: от кулаков — куда пух, куда — перья. У Нефёда Ивановича — две лошади, у Фёдора ни одной — лошадь Фёдору» [Волков, 19276, с. 33]. Так в «Байках...» тематизируется актуальная для пролетарской словесности тема равенства между людьми, защита бедных.

Преобладающее количество «баск» Антропа, как мы уже отметили, тяготеют в жанровом отношении к анекдоту: в основе сюжетной коллизии лежит неожиданное происшествие, как правило, комическое, но при этом сюжет прост и лаконичен, развивается линейно. Так, в новелле «Блажь» Антроп описывает невиданный в Лисьих Горах случай: старики откуда-то прослышали, что при новой власти жён можно менять столько раз, сколько хочешь: «истрепались — бросил». Как замечает Антроп, «хорошее не скоро перенимается, плохое и перенимать не надо — само лезет» [Волков, 19276, с. 44]. Место жён заняли молоденькие девушки, а обиженные старухи обратились в Комитет Бедноты, вынесший неожиданное для обезумевших стариков постановление, — либо сбрить бороды, либо заплатить 300 рублей. Такое решение ввело дедов в ступор: «Без бороды старик — не старик, — пугало огородное. Весь почёт в бороде <...> Так старухи опять и заняли своё место на печи» [Волков, 19276, с. 45]. Сюжетная ситуация абсурдна в самой своей основе, далека от реальной жизни, поэтому читателями с самого начала воспринимается как анекдотическая, а необычная концовка произведения ещё больше усиливает юмористическую составляющую.

Необразованность крестьян комично изображена в байке «Микроба». Уже из названия очевидно, что лисьегорцы, включая нарратора Антропа,

не имеют представления о том, что такое микроб, употребляя существительное в женском роде, коверкая незнакомое «иностранное» слово. Дед Антроп не является исключением. Поранив руку на косьбе, Антроп перепробовал много народных средств и после этого решился ехать к врачу. Сидя в очереди, чего он только не наслушался, но больше всего его удивил рассказ о микробах, которые могут жить в каждом человеке: «Вот она серость-то наша русская!.. Везде нечистый виноват.. До микробы, брат, нечистому далеко... Микроба штука умственная... <...> Забилась в Панфила какая-то микроба, захворал Панфил. <...> Брюхо на две половины разворотил и давай микробу разыскивать <...> в руке опять было доктор прижал её, запищала, запищала, а сама верть, — и уже в голове разгуливает» [Волков, 19276, с. 125]. С точки зрения человека непросвещённого, «темного», «микроба» имеет необъятные размеры и представляет собой страшное зрелище. Исходя из этого, в кабинете у врача Антроп делает умозаключение: «Пастуху можно и с чужой головой пасти, Антропу да без Антроповой головы никак нельзя» [Волков, 19276, с. 126].

Доктор, выслушав рассказ Антропа, наглядно показывает ему, как выглядят разные микробы: «Я стою перед доктором, чай, алее зари, краску видеть не вижу, только чувствую, как лицо жжёт. На глупость свою досадную <...> Вот так Антроп впросак попал» [Волков, 19276, с. 126]. Таким образом, простой человек, малограмотный и необразованный, ничего не смыслящий в науке, привыкший в силу своего воображения представлять всё в утрированном, устрашающем виде, во многих ситуациях выглядит смешно и глупо. Причём ему самому от этого становится крайне неловко, как в случае с Антропом.

Постреволюционная жизнь крестьян характеризуется появлением различных указов и постановлений, необходимых к исполнению. В рассказе «Матерное слово» такое постановление не обошло стороной тех, кто любит употреблять в своей речи нецензурную лексику: «Всякая деревня чем-нибудь да славится. Жохово — самогонкой, Пеньки — драками, а наши Лисьи Горы — матерным словом» [Волков, 1926, с. 38]. Предшествовал постановлению небольшой казус, случившийся с Нефёдом Ивановичем: «Нефёд Иванович — праведной жизни старик, а когда подносил хлеб-соль архиерею и нужно было приветливое слово сказать... И сказать-то всего три слова: — Владыка святой... <...> Так на тебе — брякнул четвёртое. Четвёртое — матерное» [Волков, 1926, с. 38]. После введения в силу постановления о запрете употребления «матерных слов» долго мучились старики, отдавая за каждое словцо по горстке ржи, пока не наступил престольный праздник: «Праздник без ругани, драки никогда не справляется. На то и престольный» [Волков, 1926, с. 39].

По нашему мнению, «образ Антропа тяготеет к традиции балаганных дедов» [Осьмухина, 2013, с. 245], поэтому он всегда имеет запас шуток, анекдотов, стремится веселить всех пришедших на праздник своим внешним видом и поведением. Отсюда вытекает не только частое использование бранных слов, но и употребление алкоголя («Пролом», «В пасхальную ночь», «Панихида»). Так, в «байке» «В пасхальную ночь» действие происходит во время Великого православного праздника, а народ такие праздники всегда отмечает широко, и лисьегорцы отнюдь не исключение: «И какой грех с нашим народом вышел. Диви бы один, другой кто согрешил — ещё туда-сюда, а то на — все <...> Удар за ударом, — капля за каплей. Ефим стаканчик протягивает.

— Христос воскресе!

— Воистину, воскресе!» [Волков, 19276, с. 73—74].

Женщины, прибежавшие пристыдить стариков, вскоре попросили помощи у отца Асафа. Концовка байки нарушает все законы логики: к старикам присоединились отмечать праздник не только женщины, но и поп Асаф с дьяконом. Дед Антроп ушёл от греха подальше: «Я — к деревне, деревня — от меня, сараи вокруг меня хороводом закружились. — Наваждение!» [Волков, 19276, с. 83].

Рассказ «Панихида», как никакой другой, ярко высвечивает скоморошью, балаганную натуру деда Антропа. Сват Лука, умирая, просит Антропа похоронить его весело, с музыкой и без лишних причитаний и слёз, но «сватья слушать не дослушала — скорее за соседями. Пришли Пахом с Поликарпом. Да меня и за ворот — да и за дверь» [Волков, 19276, с. 101]. Антроп, тоже поддающийся иногда суевериям, решает выполнить наказ покойника, и вместе с гармонистом Терёшкой и балалаечником Андрейкой они устраивают веселье на кладбище: «Терёшка по ладам, Андрейка по струнам, я — голосом — “вечную память” грянули <...> Опрокинет стаканчик, корочку понюхает, за ним Андрейка тянется... А мне без помину свата Луку оставить — и подавно грешно <...> Веселее да веселее и до “Камаринского” добрались. А на паперти батюшка рукавами пред народом размахивал, на нас перстом тыкал» [Волков, 19276, с. 102—104]. Разумеется, своим поведением Антроп шокирует публику, вызывая у неё удивление, граничащее с возмущением и негодованием, но его это не останавливает, и он продолжает исполнять «наказ» покойного, превращая похороны в фарс.

Кроме якобы реально произошедших историй, в арсенале Антропа присутствуют «байки», в которых чётко прослеживается мотив сна. Сюжеты таких баек характеризуются неожиданными перипетиями, наличием фантастических элементов. Так, рассказ «Саван» поначалу ничем не отличается от остальных: описывается обычная ситуация подготовки ба-

бушки к своим похоронам — хранение савана. Но внезапно пришедшие красногвардейцы забирают его у старушки с целью сделать равными всех лисьегорцев: «— Тебе, старуха, не сейчас помирать... Когда помирать будешь, по карточке получишь» [Волков, 19276, с. 67]. Обратилась бабушка в Волисполком, который выдал бабушке старый кумачовый флаг с какой-то надписью. Далее сюжет резко принимает мистическую направленность: бабушка встаёт из гроба, поднимается по высокой горе с другими людьми, вокруг появляются то ангелы, то черти. Причём и те, и другие ведут себя одинаково — все со страхом бросаются в сторону от старушки: «...мимо чертёнок юркнул. Так себе, щупленький чертёнок: рога да хвост. Бабушка хватить его за хвост. Чертёнок было её копытцом, да глянул на саван и затрясся, даже побелел, а был чернее чугуна. — Не-ет, не уйдёшь... Скажи, чево все от меня удирают? <...> Чертёнок по савану коготком водит и по складам: — “Про-ле-та-ри-и всех стран, со-е-дя-ня-й-те-сь”...» [Волков, 19276, с. 70]. Финал всей этой занимательной истории остается «за кадром», поскольку место фантастики снова занимает реальность: «И враз все двери нараспашку: хочешь в рай, хочешь в ад. Бабушка пошла ни в ад, ни в рай, а... проснулась...» [Волков, 19276, с. 70].

Если в «Саване» действие разворачивается якобы до и после смерти, причём «после смерти» бабушка не успела попасть ни в рай, ни в ад, то в новелле «По-человечьи» повествование начинается с того, как Вавила оказывается в раю. Уже в начале повествования развитие событий приобретает анекдотическую окраску: «В раю такой порядок: в тебя — сколько влезет, а чтобы из тебя — ни-ни» [Волков, 19276, с. 107].

Комизм сюжета усиливается за счёт использования контраста — Вавила выделяется на фоне других людей своей неудержимостью в поглощении пищи: «Дорвался Вавила — давай за обе щёки укладывать. Ангелы и рады, так и потчуют: то справа подкладывают, то слева подливают» [Волков, 19276, с. 108]. Исполнить законы рая оказывается Вавиле не под силу, его разоблачают. Концовка новеллы такая же, как и в «Саване», но сон снится уже самому деду Антропу: «Тьфу ты!... Чево-чево только натошак не приснится» [Волков, 19276, с. 108]. В заключении прослеживается связь между состоянием Антропа и содержанием приснившейся истории, что усиливает юмористическую составляющую данной новеллы.

Справедливости ради заметим, что среди новелл М. Волкова выделяется «Котёнок». Ее содержание ничуть не юмористично, но при этом именно в ней утверждается ценностный смысл человеческой жизни. Главная героиня новеллы — Анка — уходит от отца и мачехи, устраивается работать батрачкой и на пути своём встречает Серёжку, который вскоре бросает её: «Оглянешься, — уши заткни: насмешек, пересмешек — не обернёшься»

[Волков, 19276, с. 142]. Когда Анка решает погубить себя, то видит котёнка и кошку: «У кошки глаза материнской радостью горят» [Волков, 19276, с. 143]. Истинная причина печали Анки становится очевидной. Следует отметить, что эта новелла опубликована в двух изданиях баек, но если в первом издании она заканчивается фразой: «Что ей суды-пересуды людские?» [Волков, 1926, с. 57], то во втором издании добавлено ещё одно предложение: «Анка узнала радость материнскую» [Волков, 19276, с. 143]. Таким образом, новелла завершается не намёком, который способны понять лишь самые внимательные читатели, но вполне однозначно: Антроп, воодушевленный «новой» жизнью, во всем усматривает положительные перемены, он открыт миру и демонстрирует, что на смену горести и печали всегда приходят радость и счастье и никогда не нужно обращать внимание на людские толки и пересуды. В отличие от других новелл, фигура Антропа здесь незаметна. Автор «реальный» делает акцент не на личности нарратора, но на тематической составляющей. Правда, изредка речевая манера Антропа угадывается в тексте: присутствуют поговорки («след простыл»), диалектизмы («загряяли», «солошилась»), используются уменьшительно-ласкательные суффиксы («малюсенький котенчишка»), искажаются некоторые слова («итти»).

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, становится очевидно, что М. И. Волков посредством сказовой повествовательной формы изображает в «Байках Антропа...» с помощью фиктивного автора-нарратора деда Антропа постреволюционные реалии, делая акцент на идеологической составляющей. В сборнике М. И. Волкова, неоднократно переиздававшемся, иллюстрирующем характерную тенденцию к циклизации первого послеоктябрьского десятилетия (объединение новелл в книги и сборники), отражено изменение авторского замысла: смысловая и тематическая переакцентуация. Если в первом издании значимой была фигура нарратора, его повествовательная манера, способ рассказывания историй, то в переизданиях более важен сам повествуемый мир. Во-вторых, фиктивный автор-нарратор Дед Антроп посредством сказовой манеры в серии «баек» описывает смешной мир деревни, медленно меняющийся и через сопротивление принимающий новую идеологию и ценностную систему в первое постреволюционное десятилетие. В жанровом отношении большинство новелл сборника («Моё», «Народное достояние», «Контрибуция», «Пронин лужок», «Матерное слов», «Панихида», «Садик», «Революция Васильевна», «Микроба») тяготеют к анекдоту; в центре парадоксально развивающегося, комического сюжета оказывается сам рассказчик, преподносящий все истории как жизненный «факт», изложенный в игровой форме.

Перспективой исследования может стать системный анализ всего творчества М. Волкова, который, напомним, не только отдал дань жанру рассказа, но и явился автором публиковавшейся в 1928 году в «Новом мире» и вполне вписывающейся в новеллистику о «квартирном вопросе» М. Зощенко повести «Жилтоварищество № 1331: Разные случаи и заметки, относящиеся к домоуправлению, записанные техническим секретарем одного Андреем Ивановичем Колосковым». Это позволит проецировать выявленные особенности его малой прозы на отдельные стороны творчества других отечественных писателей этого периода, соотнести их с особенностями литературной практики середины и второй половины XX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Волков М. И. Байки Антропа из Лисьих Гор / М. И. Волков. — Ленинград : Прибой, 1926. — 61 с.
2. Волков М. И. Байки Антропа. Первая книжка. Издание второе / М. И. Волков. — Москва : Московское товарищество писателей, 1927а. — 135 с.
3. Волков М. И. Байки Антропа. Вторая книжка / М. И. Волков. — Москва : Московское товарищество писателей, 1927б. — 126 с.
4. Волков М. И. Собрание сочинений : в 2 тт. / М. И. Волков. — Москва : Московское товарищество писателей, 1928. — Т. 1. — 1918—1922. — 278 с.
5. Волков М. И. Литературная энциклопедия / М. И. Волков ; отв. ред. В. М. Фриче. В 11 тт. — Москва : Изд-во Ком. Акад., 1930. — Т. 2. — Ст. 281—282.
6. Писатели современной эпохи : Био-библиографический словарь русских писателей XX века / Ред. Б. П. Козьмина. — Москва : Изд-во ГАХН, 1928. — Т. 1. — 288 с.
7. Письма Клейнборга Л. М. Волкову М. И. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2225. Оп. 1. Ед. хр. 131.
8. Письма Неверова (Скобелева) А. С. Волкову М. И. // Архив Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН) СССР. Ф. 38. Оп. 1. № 32.

Литература

1. Агеева Ю. П. Поэтика прозаических микроциклов в русской малой прозе 20-х годов XX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. П. Агеева. — Екатеринбург, 2014. — 21 с.
2. Владимирский В. Минувшие годы. [Из воспоминаний о писателях, входивших в лит. объединение «Кузница»] / В. Владимирский // Наш современник. — 1966. — № 4. — С. 85—89.
3. Владиславлев И. В. Литература великого десятилетия / И. В. Владиславлев. — Москва ; Ленинград : Гос. изд., 1928. — Т. 1. — 300 с.
4. Долженко Л. В. Литературно-эстетические принципы и творческая практика «Кузницы» (на материале художественной прозы) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.02 / Л. В. Долженко. — Москва, 1984. — 186 с.

5. *Ершов Л. Ф.* Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа) / Л. Ф. Ершов. — Ленинград : Наука, 1977. — 282 с.
6. *Звягина М. Ю.* Трансформация жанров в русской прозе конца XX века : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / М. Ю. Звягина. — Москва, 2002. — 42 с.
7. *Клейнборт Л. М.* М. Волков / Л. М. Клейнборт // Очерки народной литературы (1880—1923 гг.). Беллетристы. Факты, наблюдения, характеристики. — Ленинград : Сельтель, 1924. — С. 195—202.
8. *Коган П. С.* Литература великого десятилетия / П. С. Коган. — Москва, Ленинград : Московский рабочий, 1927. — 160 с.
9. *Кудрина М. В.* Жанровая структура рассказа : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Кудрина. — Москва, 2003. — 291 с.
10. *Курганов Е.* Анекдот как жанр / Е. Курганов. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. — 122 с. — ISBN 5-7331-0084-2.
11. *Лейдерман Н. Л.* «Простой советский человек» в зеркале рассказа («Монументальный рассказ» М. Шолохова и «малый эпос» А. Солженицына) / Н. Л. Лейдерман // С веком наравне. Русская литературная классика в советскую эпоху : Монографические очерки. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2005. — С. 192—215. — ISBN 5-86547-379-4.
12. *Лейдерман Н. Л.* Между Хаосом и Космосом (рассказ в контексте времени) / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий // Новый мир. — 1991. — № 7. — С. 240—257.
13. *Осьмухина О. Ю.* Авторская маска деда Антропа в новеллистике М. Волкова / О. Ю. Осьмухина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 4. — С. 243—247.
14. *Осьмухина О. Ю.* Авторская маска в пролетарском контексте («Байки Антропа из Лисьих Гор» М. Волкова) / О. Ю. Осьмухина // Вестник Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. — 2013. — № 2. — С. 75—79.
15. *Осьмухина О. Ю.* Традиции авторской маски в русской сатирической прозе 1920-х гг. (на материале М. Зощенко и М. Волкова) / О. Ю. Осьмухина // Вестник Томского университета. — 2009. — № 323. — С. 41—49.
16. *Пакентрейгер С.* Заказ на вдохновение. Статьи о литературе / С. Пакентрейгер. — Москва : Федерация, 1930. — 226 с.
17. *Полонский В. П.* О литературе / В. П. Полонский. — Москва : Советский писатель, 1988. — 496 с.
18. *Полякова Л. В.* «Кузница» в литературном движении 1920—1932 гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.02 / Л. В. Полякова. — Москва, 1973. — 200 с.
19. *Пономарёва Е. В.* Русская новеллистика 1920-х годов : диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Пономарёва. — Екатеринбург, 2006. — 639 с.
20. *Пчелинцев И.* Михаил Волков. Литературный портрет / И. Пчелинцев // Рабочий журнал. — 1924. — Книга 3—4. — С. 211—213.
21. *Якубовский Г. В.* Писатели «Кузницы» : статьи / Г. В. Якубовский. — Москва : Федерация, 1929. — 226 с.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2024,
одобрена после рецензирования 13.07.2024,
подготовлена к публикации 30.07.2024.*

Material resources

- Letters of Kleinbort L. M. to Volkov M. I. In: *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 2225. Op. 1. Ed. ch. 131. (In Russ.).
- Letters of Neverov (Skobelev) A. S. to Volkov M. I. In: *Archive of the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (USSR)*. F. 38. Op. 1. № 32. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1927a). *The tales of Antrop. The first book. Second edition*. Moscow: Moscow Association of Writers. 135 p. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1927b). *Tales of Antrop. The second book*. Moscow: Moscow Association of Writers. 126 p. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1928). *Collected works: in 2 volumes, 1*. Moscow: Moscow Association of Writers. 278 p. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1930). *Literary Encyclopedia*. Moscow: Publishing House of Com. Akad. Articles 281—282. (In Russ.).
- Volkov, M. I. (1926). *Tales of Antrop from the Fox Mountains*. Leningrad: Priboy. 61 p. (In Russ.).
- Writers of the modern era: A Bio-bibliographic dictionary of Russian writers of the twentieth century, 1*. (1928). Moscow: GAKhN Publishing House. 288 p. (In Russ.).

References

- Ageeva, Yu. P. (2014). *Poetics of prosaic microcycles in Russian minor prose of the 20s of the XX century*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 21 p. (In Russ.).
- Dolzhenko, L. V. (1984). *Literary and aesthetic principles and creative practice of the "Forge" (based on the material of fiction)*. PhD Diss. Moscow. 186 p. (In Russ.).
- Ershov, L. F. (1977). *Satirical genres of Russian Soviet literature (from epigrams to novels)*. Leningrad: Nauka. 282 p. (In Russ.).
- Kleinbort, L. M. (1924). M. Volkov. In: *Essays of folk literature (1880—1923). Belletrists. Facts, observations, characteristics*. Leningrad: Sower. 195—202. (In Russ.).
- Kogan, P. S. (1927). *Literature of the great decade*. Moscow, Leningrad: Moskovsky Rabochy. 160 p. (In Russ.).
- Kudrina, M. V. (2003). *Genre structure of the story*. PhD Diss. Moscow. 291 p. (In Russ.).
- Kurganov, E. (1997). *Anecdote as a genre*. St. Petersburg: Academic Project. 122 p. ISBN 5-7331-0084-2. (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (2005). "A simple Soviet man" in the mirror of the story ("The Monumental story" by M. Sholokhov and "The Small Epic" by A. Solzhenitsyn). In: *On a par with the century. Russian literary Classics in the Soviet Era: Monographic essays*. St. Petersburg: Zlatoust. 192—215. ISBN 5-86547-379-4. (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (1991). Between Chaos and Space (a story in the context of time). *Novy Mir*, 7: 240—257. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2013). The author's mask in the proletarian context ("Tales of Antrop from the Fox Mountains" by M. Volkov). *Bulletin of the St. Petersburg University of Technology and Design. Series 2. Art history. Philological sciences*, 2: 75—79. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2015). The author's mask of the grandfather of Antrop in the novelistics of M. Volkov. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 4: 243—247. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2009). Traditions of the author's mask in Russian satirical prose of the 1920s (based on the material of M. Zoshchenko and M. Volkov). *Bulletin of Tomsk University*, 323: 41—49. (In Russ.).

- Pakentrager, S. (1930). *An order for inspiration. Articles about literature*. Moscow: Federation. 226 p. (In Russ.).
- Pchelintsev, I. (1924). Mikhail Volkov. Literary portrait. *Rabochy zhurnal*, 3—4: 211—213. (In Russ.).
- Polonsky, V. P. (1988). *About literature*. Moscow: Soviet writer. 496 p. (In Russ.).
- Polyakova, L. V. (1973). *“The Forge” in the literary movement of 1920—1932*. PhD Diss. Moscow. 200 p. (In Russ.).
- Ponomareva, E. V. (2006). *Russian novelistics of the 1920s*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 639 p. (In Russ.).
- Vladimirsky, V. (1966). The past years. [From the memoirs of the writers who were part of the lit. the Forge Association]. *Our contemporary*, 4: 85—89. (In Russ.).
- Vladislavlev, I. V. (1928). *Literature of the great decade, I*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 300 p. (In Russ.).
- Yakubovsky, G. V. (1929). *The writers of the “Forge”: articles*. Moscow: Federation. 226 p. (In Russ.).
- Zvyagina, M. Y. (2002). *Transformation of genres in Russian prose of the late twentieth century*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 42 p. (In Russ.).

*The article was submitted 19.05.2024;
approved after reviewing 13.07.2024;
accepted for publication 30.07.2024.*